

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-858-875

Research article

Four lessons from Zaliznyak

Igor G. MILOSLAVSKY

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract

The article refers to four most important features of Academician Andrei Zaliznyak's (1935–2017) scholarly heritage, which include: 1) a clear statement of the activity goal and the understanding of its place in the scientific cognition of the world; 2) a logical sequence of work stages and their clear understanding; 3) comprehension of all the other obvious consequences arising from the work done. Within the framework of those requirements, the author of the article is trying, in particular, to evaluate such public initiatives relating to the Russian language as “the total dictation” and “the word of the year”. The paper discusses the degree to which modern research of the Russian language is compliant with those requirements, and emphasizes the inconsistency of the prevailing aspectological concepts, as well as the variety of rules dealing with the composition of semantic components in a wordform, sentence, or uttering. The author is skeptical about the prospects of the research of modern Russian word formation prioritising the inventory of word-formation types which cannot act as basic units for any kind of speech activity. The critical reflection on the notion of “postfix” allows the author to conclude that units regarded in terms of their semantic characteristics and not their position in a word form are clearly distributed among suffixes and endings (according to A.A. Zaliznyak). He also emphasises the complete incoherence of tasks set during the morphological analysis at school. In conclusion, the author writes about the reduction of moral standards within the professional community and recalls the fourth lesson of A.A. Zaliznyak – not to hope that colleagues will quickly recognise the research results.

Keywords: *Zaliznyak, research goal, logical sequence, interrelation of statements, academic community*

For citation:

Miloslavsky, Igor G. 2020. Four lessons from Zaliznyak. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 858–875. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-858-875

Научная статья

Четыре урока Зализняка

И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация

В статье говорится о 4 важнейших чертах научного наследия академика Андрея Анатольевича Зализняка (1935–2017). Это: 1) внятная постановка цели деятельности и осмысление места этой цели в научном познании мира; 2) логическая последовательность этапов работы

и четкое представление о каждом из этих этапов; 3) осмысление всех других очевидных следствий, возникающих в результате проведенной работы. В рамках этих требований автор статьи пытается, в частности, оценить такие общественные инициативы, касающиеся русского языка, как «тотальный диктант» и «слово года». В статье рассматриваются на соответствие этим требованиям также исследования, актуальные для современной науки о русском языке. Отмечается противоречивость господствующих аспектологических представлений, а также разнообразие правил сложения семантических компонентов в словоформе, предложении, высказывании. В статье скептически оцениваются перспективы тех штудий по современному русскому словообразованию, в которых на первом месте стоит инвентаризация словообразовательных типов, причем в таком виде, в котором они не могут выступать в качестве базовых единиц ни для каких видов речевой деятельности. Критически осмысливается понятие «постфикс», прилагаемое к единицам, которые, будучи осмысленными по своим семантическим характеристикам, а не в соответствии с позицией в словоформе, четко распределяются среди суффиксов и окончаний (по А.А. Зализняку). Отмечается также полная рассогласованность задач, решаемых в процессе школьного морфологического разбора. В заключение автор пишет о снижении нравственных критериев внутри профессионального сообщества и напоминает о четвертом уроке А.А. Зализняка – не надеяться на быстрое признание полученных результатов со стороны коллег.

Ключевые слова: *Зализняк, цель исследования, логическая последовательность, взаимосвязь утверждений, научное сообщество*

Для цитирования:

Милославский И.Г. Четыре урока Зализняка. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 858–875. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-858-875

Уход из жизни нашего великого коллеги-современника Андрея Анатольевича Зализняка вызвал множество скорбных и поучительных откликов, в которых, что естественно, главное место занимала личность Зализняка-человека (Бурас 2019). Чем дальше уходим мы от 24 декабря 2017 года, тем яснее становится необходимость осмыслить те принципиальные для всей парадигмы нашей области знания моменты, которые выступают как важные характеристики научной деятельности А.А. Зализняка.

1. Почему и зачем это нужно знать?

На мой взгляд, главной чертой исследований А.А. Зализняка была внятная **цель**, которой автор хотел достигнуть в каждой из своих работ. Внятной всегда была не просто тема исследования (о чем пишет автор?), но именно задача, которую он ставит и решает (Доброхотов, Борзенков). В откликах на кончину Андрея Анатольевича среди многочисленных областей, в которых проявился его огромный талант, отмечается создание им жанра лингвистических задач (Зализняк 2018).

Лингвистические задачи как жанр научного исследования существовали и ранее. Вспомним хотя бы дешифровку различных древних памятников письменности, описания экзотических языков или установление «фонетических законов». Дело в том, что А.А. Зализняк **всегда** явным образом формулировал тот вопрос, на который отвечает его исследование. При этом важно было именно поставить вопрос. Напомню, как Андрей Анатольевич поставил

вопрос о «Слове о полку Игореве»: «Характеристики языка какого времени отражены в памятнике?» Не «подлинник или подделка?», но определение временной датировки памятника. Именно неспособность науки об истории русского языка ясно ответить на вопрос о датировке, по словам ученого, и побудила его заняться вопросом, который уже десятилетиями выступал как вопрос о «подлинности» Слова (Зализняк 2008).

«Грамматический словарь русского языка» (Зализняк 1977), и до появления которого, как справедливо говорил Т.П. Ломтев, мы знали, что в русском языке имена склоняются, имел своей целью получение таких алгоритмов, которые позволяют от словарной формы **каждого** слова образовать всю его парадигму (не установить приблизительное число типов парадигм, склонений, в обычной терминологии). Оказалось, что представления ученых-лингвистов, отраженные, в частности, в грамматиках, весьма и весьма приблизительно описывают те ответы на внятно поставленный вопрос, которые дает даже интуиция носителя языка. Замечу при этом строгое и последовательное решение вопросов о соотношении звуков и букв, о числе родов и падежей, типах оформления количественного противопоставления «предметов». А главное – точное установление числа «типов склонения», значительно превышающее три школьных. При этом задача установления конечного числа типов флексийных наборов серьезно уточнена автором еще и за счет учета 1) чередований (есть – нет, а если есть, то какие именно) и 2) типов перемещения места ударения в парадигме (хотя речь идет о письменной форме языка, где ударение обычно не ставится) (Зализняк 1967). Замечу, что так называемая школьная грамматика русского языка тоже имеет свою цель – обеспечить соблюдение правил правописания. Не декларируемая явно, эта цель упрощает описание словоизменения почти только до тех случаев, которые могут спровоцировать орфографические ошибки (*от яблон^и, на яблон^е* и т.п.), никак не сообщая прямо о такой заданной неадекватности описания реальному положению дел и самому определению того, что такое «тип склонения».

Цель в работах А.А. Зализняка может быть не только конкретной, но и отдаленной. Выдающиеся достижения в описании и новгородского диалекта, и при прочтении новгородских берестяных грамот в конце концов имеют не только самодовлеющее значение для истории русского языка и его исторической диалектологии. Эти работы дают нам знание о древнем Новгороде, который избежал татаро-монгольского ига и где культивировались демократические традиции, а также поддерживались экономические связи с Западной и Северной Европой. Без знаний о жизни и судьбе средневекового Новгорода невозможно сколько-нибудь полное представление ни о русской истории, ни о русском этносе (Исаченко 1998, Рыбина 2009).

Цель исследователя, наконец, может состоять и в достижении обычной человеческой радости – просто узнать что-то новое или в результате собственных усилий понять устройство чего-либо. Последнее – всегда большая радость, даже в том случае, когда есть другие люди, которые это устройство

уже давно поняли. Наверное, поэтому многие люди так любят отгадывать загадки, решать взятые из реальной жизни вычислительные и логические задачи, заполнять клеточки кроссвордов. Видимо, в природе человека и обычное желание узнать что-то для себя новое, прежде неизвестное. Отсюда любовь к чтению и к перемыванию косточек ближним, потребность смотреть телевизор и тяга к простому человеческому общению (Cloninger and others 1999). И даже если цели интеллектуальных усилий могут варьироваться от счастья человечества до самой мелкой и низкой корысти, **цель** непременно должна присутствовать. И это первый и, по-моему, важнейший урок, который дает жизнь и творчество Зализняка.

Представление о цели как о важнейшем предварительном условии для научных исследований еще совсем недавно растворялось в требовании новизны, т.е. «преодоления неизвестности, открытия чего-либо нового». Еще в первой половине прошлого века многие исследователи писали в своих работах «и этот вопрос совершенно не изучен», рассматривая это утверждение как тождественное «этот вопрос непременно следует подробно изучить». В.В. Виноградов, например, всегда говорил о необходимости тщательно изучать историю рассмотрения какого-либо вопроса в науке, после чего «можно и свою заплату поставить». Иными словами, научный поиск виделся как создание более или менее непротиворечивой и многоаспектной картины некоторого участка действительности, наподобие, например, физической географической карты. Но если цель создания исчерпывающей физической географической карты лежит на поверхности, поскольку достижение этой цели позволяет, в первую очередь, целенаправленно перемещаться из точки А в точку Б, то подобная очевидность цели научного поиска существует далеко не всегда. Столь привлекательная для ученого полная свобода выбора точки для приложения своих усилий оказалась скомпрометированной с развитием научных знаний о мире и с глубоким осознанием их чрезвычайной малости по сравнению со всеми явлениями и характеристиками этого мира. Умение выбрать относительно узкую область, а главное, уметь ясно поставить конкретный вопрос, что именно требуется узнать, и при этом предположить, хотя бы в общих чертах, масштаб и характер последствий, которые повлечет это новое знание для науки и общественной практики – именно эти характеристики стали необходимым условием плодотворности работы ученого, основанием для общественного признания ценности его усилий.

К сожалению, далеко не все лингвистические научные направления и общественные инициативы внятно что-то сообщают о целях их собственных интеллектуальных и иных усилий (Милославский 2017). Набравшая определенный размах в нашей стране акция под названием «Тотальный диктант» радуется уже тем, что привлекает внимание к русскому языку. Однако пока к одному-единственному аспекту из множества, требующих внимания, а именно к правилам правописания. А между тем очевидно, что главная опасность, угрожающая сегодня русскому языку, – это безграмотность

не формальная, а семантическая. Неумение и нежелание носителей русского языка точно и полно понимать значение слов, предложений, текстов, неспособность адекватно своему замыслу и условиям общения находить соответствующие языковые средства. Какую же речевую ситуацию моделирует процедура диктанта, даже если он и тотальный? Ту, когда человек должен точно и полно записать произносимый кем-то другим текст. Но в этих случаях наш современник обращается к возможностям собственного гаджета, который в точности сохранит произнесенное. Возможности того же гаджета помогают пользователю и избежать ошибок, например, в орфографии, подчеркивая слова, содержащие ошибочное написание. А вот помочь в выборе из синонимичных и квазисинонимичных средств с тем, чтобы точно/размыто обозначить «положение дел», установить близкие/дистанционные отношения с адресатом, выразить положительное/отрицательное отношение к сообщаемому, уважительное/хамское отношение к адресату, – ничего этого современный гаджет сделать пока не может. А «тотальный диктант» такой задачи вовсе не ставит. Он ориентирован лишь на сложные (и редко встречающиеся) вопросы правописания, т.е. именно на тот аспект изучения языка, который, отнюдь не являясь важнейшим в жизни общества, более или менее явно представлен именно таким в процессе школьного обучения.

Другое популярное мероприятие, посвященное русскому языку, – это «слово года (недели, месяца)» и т.п. Нельзя не радоваться тому, что наши журналисты заражают общество вниманием к тому, как конкретные слова и выражения ярко показывают, какими же именно событиями жила страна в тот или иной момент, период, эпоху. Та же идея лежит в основе далекого от языка определения «человека года», той личности, которая либо наиболее существенно влияла на происходящее, либо привлекала всеобщее внимание. Нельзя не порадоваться замечательному чувству юмора, которое демонстрируют в связи со «словами года» в русском языке пользователи соцсетей.

Возникает, однако, вопрос, какое отношение имеют все эти разнообразные акции, веселые и остроумные, текстуально выверенные и статистически обоснованные, собственно к русскому языку (Санников 1999). Ведь у языка, смысл существования которого и в отражении действительности, и в успешной передаче собственных представлений о ней другому, есть еще и свои собственные характеристики и проблемы, которые либо помогают ему справиться с этими задачами, либо мешают успешно это сделать. Я говорю о собственных проблемах русского языка, отражающих его знаковую сущность и коммуникативную направленность. А это совсем не то же самое, что выступает как ответ на вопрос, каким образом отразились в русском языке те или иные особенности момента, кто и как сумел сострить в связи с этими моментами так, чтобы было и смешно, и связь с событием не потерялась. И это вместо того, чтобы обнаружить в языке те области и конкретные точки, в которых есть лакуны (Эпштейн 2017), отсутствуют возможности для кратких обозначений, нет оценочных или иных коммуникативных дериватов, где есть

неоправданные запреты на сочетаемость слов и форм или никак не мотивированные ни логикой, ни действительностью собственно «языковые правила», наконец, иными словами, нет и намека на попытку как-то разумно и целенаправленно оценить по этим параметрам состояние языка и воздействовать на его развитие, сочетая профессионализм и живое языковое творчество.

Замечу, что А.А. Зализняк никогда не участвовал в подобных мероприятиях, хотя не жалел ни времени, ни сил для работы с молодыми людьми, для которых язык как таковой сам по себе объект профессионального внимания, настоящего или будущего. Я имею в виду и участие Андрея Анатольевича в проведении олимпиад по языковедению и математике, и его многочисленные выступления на «лингвистических школах», ежегодные отчеты о новых находках в Новгороде, его разнообразную педагогическую деятельность наконец.

Продолжу о целях деятельности на поле лингвистики и русского языка в *частности*.

Разнообразные книги и пособия, в частности и по РКИ, пестрят заголовками типа «Употребление (функционирование, что это такое? И.М.) видов (падежей, предлогов и т.п.) в русском языке» (например, Кузьмич, Лариохина 2007). Но ведь цель читающего/слушающего не в том, чтобы определить ту или иную грамматическую характеристику составляющих текст единиц, но увидеть стоящую за ними действительность. А цель пишущего (говорящего) в том, чтобы обозначить некоторую «действительность», а не употребить ту или иную грамматическую характеристику (часто многозначную вплоть до нулевой). Человек говорит/пишет не для того, чтобы продемонстрировать своему адресату знание собственно языковых норм, но для того, чтобы сообщить о «положении дел». Разумеется, соблюдая при этом языковые нормы, но уже с иной целью – с тем, чтобы не усложнять задачу адресата и не представлять самому в качестве вахлака и неуча.

Зачем, например, определять род существительного в процессе рецептивных речевых действий? Ведь эта характеристика существительного почти никогда не имеет никакой семантической ценности, обретая ее лишь в поэзии, сказках или загадках, и то далеко не всегда (Виноградов 1947). Другое дело – продуктивные речевые действия, причем только в том случае, если у существительного имеются определяющие слова и/или некоторые связанные глагольные формы. Определение родовой характеристики исключительно важно для письма, где именно характеристика по роду регулирует правописание *-ь* после *ж-*, *ш-*, *ч-* в конце слова. Зачем при рецепции определять видовую принадлежность глагола? Какую ценную информацию получает реципиент, узнавая, что перед ним глагол совершенного или несовершенного вида? Не лучше ли прямо говорить, что перед нами никак не охарактеризованное действие, действие, охарактеризованное по 1 параметру (*толкнул* – «однократность», *вылечил* – «результативность», *запел* – «начинательность») или по 2 (и более) параметрам (*запел* – «начало» + «однократность»,

перекрасил – «по-другому» + «результат», *расцеловались* – «интенсивность» + «взаимность» + «однократность»). А про двувидовые глаголы полезнее сказать, что в них существует семантическая неопределенность. Например, реплику героини из «Евгения Онегина»: «*Меня в сочельник навестил, недавно сына он женил*» можно понимать и как недавнее «заявление посетителя», и как «новый статус, который он создал для своего сына».

К сожалению, учебная и научная литература по русскому языку часто оформляется по принципу «А вот еще интересно», стремясь не решить конкретную задачу, имеющую какую-либо самодовлеющую или подчиненную другой ясной задаче цель, но просто сообщает любую информацию каким-то образом, вплоть до ассоциаций, связанную с той задачей, которую следует решить.

2. Сходятся ли концы с концами?

Близкий друг Андрея Анатольевича Владимир Андреевич Успенский отмечал незаурядные способности Зализняка к математике. Напомню, что сам Владимир Андреевич заведовал в МГУ кафедрой математической логики и оснований математики. Обращу особое внимание на два последних слова.

Основания и логика чрезвычайно важны в каждой науке, не только в математике, но в лингвистике. Излюбленный математиками метод рассуждения «допустим, что... и рассмотрим неизбежные следствия из этого допущения при данных условиях» эффективно работает и в других областях. Именно об этом, на мой взгляд, и говорил Андрей Анатольевич, когда утверждал: «...чужая область мне представлялась исследованной гораздо лучше, чем потом оказывалось... У меня стопроцентное доверие к тому, что если люди это пишут – это так. А потом, когда жизнь подводила меня к тому, чтобы заниматься этим основательно, я вдруг начинал убеждаться, что вовсе не все верно, что про это написано. Причем обычно бывали не соблюдены вещи не высокого уровня, а низкого. самого низкого. Вот это вот меня не уставало поражать» (цитирую по Бурас 2019: 239). Именно о ложности посылок, на которых строятся заключения, говорил Андрей Анатольевич, опровергая утверждения «любительской лингвистики» и «теорий Фоменко» (Зализняк 2010).

Мне кажется, что у этой мысли есть и еще один важный аспект. Он касается, в частности, тех представлений о русском языке, которые культивируются в словарных и грамматических описаниях, а также в вузовских учебниках. Написанные зачастую несколькими разными авторами, эти источники совмещают в себе взаимоисключающие представления о предмете, тиражируемые затем менее именитыми авторами диссертаций и пособий при небескорыстном содействии издателей и активистов СМИ, закономерно ориентированных не на истину, но на публику.

В первой четверти XXI века наши коллеги справедливо призывают к написанию новой грамматики русского языка (например, Русская грамматика

2019). (Видимо, с появлением петербургского Большого толкового словаря русского языка, по мнению большинства коллег, вопрос о подобном «обновлении» применительно к лексикографии перестал быть актуальным). А между тем далеко не все общепринятые после 1970 года представления о русской грамматике выдерживают проверку при соприкосновении с действительностью.

Приведу примеры. Принято представлять грамматику русского глагола как базирующуюся на категориях вида и времени. При этом игнорируется то обстоятельство, что эти глагольные грамматические характеристики покоятся на принципиально разных основаниях: время – на семантическом, хотя и изменчивым под влиянием контекста, а вид – на синтагматическом (последовательный запрет на сочетаемость с определенными группами слов у глаголов совершенного вида) и парадигматическом (два времени у глаголов совершенного вида и три – у несовершенного) (Милославский 2015).

Добавлю, что и семантические, и синтагматические, и парадигматические свойства слов в русском языке **относительно** независимы друг от друга. Достаточно напомнить, что ни существительные разных родов (синтагматические различия), ни существительные с «дефектами» парадигмы, несклоняемые или имеющие формы лишь одного числа, не образуют четких семантических групп, а поставленный в обратном направлении вопрос о зависимости рода и/или устройства парадигмы существительного от его семантики обычно представляется вообще абсурдным. Почему же такое смешение проявлений семантики (время) с синтагматикой и парадигматикой (вид) выступает почти повсеместно как фундамент в грамматике глагола?

Очевидно, что само видовое противопоставление последовательно покоится на двух весьма различных семантических характеристиках, результативности и однократности (*строил – построил* и *целовал – поцеловал*, *писал – написал* и *говорил – сказал*, *звонил – позвонил – дозвонился* и т.п.). Иногда эти характеристики могут без контекста и не различаться (*узнавал – узнал*, *решал – решил*), часто сопровождаться еще и другими модификационными характеристиками, например, начинательностью (*запеть – запевать*), повторностью (*перестроить – перестраивать*), интенсивностью (*перепугаться – пугаться*), различными пространственными характеристиками (*вбежать – выбежать – сбежать – отбежать – перебежать*). Однако предпринимавшиеся в середине прошлого века попытки найти инвариант для обобщения «результативности» и «кратности» представляют собой попытку просто перейти на другой уровень обобщения: не *волк* и *лиса*, но *животные*, не *хлеб* и *масло*, но *продукты*, не *благородство* и *невежество*, но *качества* и т.п.

Подобную операцию, но уже со значениями падежных форм, проводил Р.О. Якобсон (Якобсон 1971), однако развитие науки отвергло эти построения. А вот в области глагольного вида концепция семантического инварианта до сих пор безраздельно господствует, расплодив бесконечные диссертации

и никак не обеспечивая движения вперед теоретических представлений и не удовлетворяя потребности общественной практики.

Дело не только в том, что теоретически сомнительна и практически неэффективна сама идея семантического инварианта. Проблема в другом – в неудовлетворительном состоянии вопроса о существующих правилах сложения семантических компонентов в слове, предложении, высказывании (Гак 1977). Эти правила обычно представляются как простое сложение, где $1 + 1 = 2$, хотя в действительности это далеко не всегда так. Например, внутри так наз. имперфектированных глаголов суффикс «зачеркивает» тот компонент значения приставки, который обозначает «результативность», оставляя в неприкосновенности другую сему, содержащуюся в этой приставке. Например, *перестраивать* = *пере-* («по-другому», «результат») *-стра -ива* («по-другому» сохраняет, а «результат» зачеркивает) *-ть*. То же самое происходит и тогда, когда одной из сем приставки является «однократность». Например, *пересаливать* = *пере-* («больше нормы», «однократность») *-сал -ива* («больше нормы» сохраняет, а «однократность» зачеркивает) *-ть*. Короче говоря, на уровне формы имеем сложение «приставка» + «суффикс», на содержательном же уровне имеем «вычитание», т.е. из двух сем приставки под влиянием суффикса остается лишь одна. Это же явление хорошо известно в связи с обозначением времени грамматическими средствами при наличии лексических показателей (*Иду я вчера, Два дня назад встречаю знакомого*) и/или при установлении точки отсчета (*Дело было год назад, Прихожу я...*). Здесь также на уровне формы имеет место сложение, на содержательном же уровне также зачеркивание той из сем флексии личной формы глагола, которая обозначает «действие в момент речи».

Вопрос о взаимодействии семантических компонентов осложняется еще и тем, что существуют семантические компоненты, которые подобно поручику Кижю, «фигуры не имеют» (Кубрякова 2009, Земская 1992). Это хорошо известно не только по отношению к многоморфным словам, более или менее существенная часть значения которых не получает воплощения в составляющих его морфах: *рыж|ик* – «гриб», *писа-тель* («художественные произведения»), *лей-ка* («предназначенный для...») и мн. др. Именно включение той части информации, которая будучи формально никак не выражена, характеризует еще и ситуацию употребления, и общие знания о жизни, отличает предложение от высказывания (Арутюнова 2003). Только с учетом всех этих факторов – отказ от инварианта значения в пользу внятных сем, признание возможности разнонаправленных отношений между семами, учет и тех значений, которые не имеют формального выражения – может позволить создать алгоритмы понимания значений, содержащихся в многообразных текстах русского языка, и осмыслить ту роль, которую играют в создании этих значений соответствующие глагольные формы и их характеристики. Подчеркну, что это касается только обеспечения рецептивных речевых действий на русском языке. Для продукции – говорения и письма – эти принципы будут

выглядеть иначе. В частности, существенное влияние на такие алгоритмы окажет просто принятый в речи узус («теоретически возможно, но реально так не говорят»).

В похожем положении оказывается и такая бурно развивавшаяся в науке о русском языке с середины прошлого века область, как словообразование. Именно этот раздел занял очень большое место в грамматиках -70 и -80, прочно утвердился в вузовском преподавании. А между тем в классификационно-рецептивной грамматике соответствующая часть сведений о русском языке неизбежно должна предстать как **морфный** анализ, отвечая на два вопроса, как можно разложить данное значение слова на значения составляющих его частей (без остатка, с предсказуемым и непредсказуемым остатком, более или менее существенным) и когда можно (и нельзя) получить значение слова, если известны значения составляющих его частей. Решение первой из этих задач позволяет углубить представления о значении слов, в том числе и об ассоциативном. Второе – позволяет, более или менее удачно, «догадываться» о значении слов тогда, когда это значение неясно.

Установление разнообразных типов словообразовательных отношений не только наталкивается на возможность не единственного правильного ответа (в первую очередь, из-за необходимости различать формальную и содержательную производность, нередко по-разному направленную), но и оказывается оторванным от всякой речевой деятельности. Преодолеть последнее было бы возможно при движении не от производного к производящему (бессознательная дань этимологической традиции и всему сравнительно-историческому языкознанию?), но в обратном направлении, от производящего к его возможным производным. Такая задача приобретала бы ценность для обеспечения продуктивной речевой деятельности. Но это возможно лишь на семантическом основании и при допущении, что в принципе заданные производные могут и вовсе отсутствовать, а могут быть получены в форме единиц, формально никак не связанных с производящим. Иными словами, представление о разделе «словообразование» оказалось бы принадлежащим в силу принципиальной нерегулярности рассматриваемых им отношений скорее к словарю, чем к грамматике.

Более того. По мере увеличения наших знаний о словообразовательных типах, обнаруживаемых в русском языке, выяснилось, что установление деривационных отношений от более сложного к более простому – не лучшая помощь при совершении рецептивных речевых действий. Здесь возможен лишь подход со стороны морфного состава, хотя он и сопряжен с часто непреодолимыми трудностями, обусловленными наличием формально не выраженных компонентов значения слова (см. выше) и ограниченностью контекстов, необходимых для успешного преодоления многозначностей и/или омонимии морфов.

Инвентаризация типов словообразовательных отношений, рассмотренных от более сложного к более простому, никак не коррелирует и с обеспечением продуктивных речевых действий ни на РКИ, ни на русском как

на родном. И дело здесь в том, что в основе продуктивной речевой деятельности лежит идея заранее заданного семантического усложнения, четкого понимания характера семантического преобразования, которому должно подвергнуться исходное. Это условие является совершенно обязательным. Ведь задача говорящего/пишущего вовсе не в том, чтобы продуцировать все возможные производные от имеющегося производящего. Но только то (те), которое(ые) отличаются от заданного производящего именно на заданную семантическую характеристику. И здесь существенны два момента: 1) выбор из множества потенциально годных для данной цели формантов (проблема сочетаемости) и 2) принципиальная возможность выражения заданной комбинации исходных и заданных семантических компонентов разными знаковыми единицами, в том числе и никак не связанными с производящими (слова с иным корнем, свободные и фразеологические словосочетания). Последнее – принципиально, поскольку цель говорящего/пишущего не словообразовательные упражнения, но возможность наилучшим образом выразить свой замысел языковыми средствами (Грайс 1985).

Описываемая постановка задачи – от простого через четко обозначенное семантическое изменение к содержательно усложненному обозначению (независимо от его формальной природы) – не только обеспечивает продуктивные речевые действия, но также позволяет определить «болевы точки» языковой системы: лакуны, немотивированные запреты, бедность/перегруженность тех или иных участков для номинации (Ларина и др. 2013). В связи с этим также приобретает особую ценность противопоставление синтаксической и модификационной деривации, с одной стороны, деривации мутационной, с другой (Докулил, 1962).

Добавлю, однако, что описанная процедура едва ли соответствует той, которая происходит в мозгу носителя языка и, конечно же, не соответствует речевой деятельности изучающего РКИ. Как кажется, такая процедура может быть полезна для автоматического синтеза текстов на русском языке. Однако в любом случае собственно словообразование не выступает как самодовлеющая ценность, но находится в ряду других источников, обеспечивающих семантическое развертывание текста.

Увы, подобных печальных «нестыковок» и заезженных дорог в тупиковых направлениях в академических (и вузовских) представлениях о современном русском языке и его истории немало. Некоторые из них преодолены, в частности, благодаря усилиям А.А. Зализняка, другие – продолжают процветать благодаря научно-педагогической и популяризаторской деятельности наших коллег.

3. «Увидеть Северный полюс нетрудно. Трудно дойти до него».

Но если смог увидеть, надо рассмотреть всё...

Вынесенные в заголовок этого раздела слова в кавычках принадлежат математику, академику, ректору МГУ в 1951–1973 гг. Ивану Георгиевичу

Петровскому. А.А. Зализняк в своих исследованиях часто достигал такой точки, откуда «видно во все стороны света», и щедро делился всем, что ему из этой точки открывалось.

И вновь обращаюсь к «Грамматическому словарю». Это именно А.А. Зализняк доказал, что сочетаемостный принцип, по которому принято выделять в русском языке три рода существительных, при последовательном его применении открывает не три рода, а семь согласовательных классов. Ведь на сочетаемость существительных последовательно влияет еще и одушевленность/неодушевленность, и стандартность/нестандартность парадигмы. Это именно А.А. Зализняк объяснил, что среди так наз. слов *pluralia tantum* есть слова двух семантических групп, обозначающие и считаемые предметы (*сани, ножницы, ворота* и т.п.) и «предметы», чуждые идее счета (*сливки, пряталки, щи* и т.п.; ср. *сметана, преферанс, уха*). Это именно А.А. Зализняк довел до логического конца выдвинутое А.Н. Колмогоровым и В.А. Успенским представление о падеже, базирующееся на идее матрицы, столбцами которой являются «определенные состояния», строками – заданные контексты, а точками пересечения – все существующие в русском языке словоформы, образующие в этих точках синтагматически правильные (хотя часто и семантически бессмысленные) словосочетания (Зализняк 1973). При этом одинаковые строки такой матрицы и образуют то, что принято называть определенным падежом, каковых на самом деле больше шести. Мы и раньше знали, что *думаю о шкафе, носе, лесе и живу в шкафу, носу, лесу* – это не один (так наз. предложный) падеж, что *глядеть в наполеоны, выбиться в начальники, выдвинуть в депутаты* и т.п. не укладываются в привычную шестичленную систему, но как-то не удавалось дать всему этому общее объяснение. Впрочем, и через полвека после выхода «Русского именного словоизменения» я ни разу ни в одной аудитории не получал внятного и правильного ответа на вопрос, что же обозначает слово *падеж*, хотя это слово активно употребляется с последних классов начальной школы до окончания средней.

Вообще при изучении большинства разделов школьных (и даже вузовских) учебников русского языка трудно отделаться от впечатления, что они специально созданы для того, чтобы отключать логическое мышление учащихся, апеллируя исключительно к их способности к запоминанию. Приведу примеры.

В многократно переиздаваемом школьном учебнике русского языка для 10–11 классов (один из его соавторов был чиновником в Министерстве образования), на обложке обещающем «научить стилям», на фронтисписе помещены образцы грамматического разбора. В этих образцах никак не различаются характеристики лексические и грамматические («разряд по значению» соседствует с «типом склонения» и представлен у существительных, а у глаголов выступает лишь «тип спряжения»), объединены характеристики асемантические (род существительных, переходность глаголов) и способные иметь семантическую ценность (число, падеж существительных, время

глагола), нигде не определяется, какое же именно семантическое содержание стоит за грамматической характеристикой в данном контексте (если стоит). Получается более или менее сумбурный набор самых разнообразных сведений о словоформе, где каждый из элементов этого набора представляет ценность лишь для определенных, но никак не обозначенных аспектов речевой деятельности (рецепция – понимание, продукция – выражение, соблюдение ортологических норм, место в реальной действительности и в «грамматической системе координат»).

Другой пример. Очевидно, что среди типов склонения прилагательных в русском языке существует такой, по которому склоняются такие прилагательные, как *волчий, собачий, курицын, мамин*. Их главное отличие от склонения большинства прилагательных – в оформлении флексии именительного (и совпадающего с ним винительного) падежа обоих чисел (*добрый – добрая – доброе – добрые* и *мамин – мамина – мамино – мамыны*, как у кратких форм «обычных» прилагательных *добр – добра – добро – добры*). Этот тип склонения принято называть притяжательным. Однако название типа склонения часто переносится на семантику всех склоняющихся по этому типу прилагательных, хотя от прилагательных, обозначающих «признак, принадлежащий...», нельзя требовать парадигмы, называемой «притяжательной» (ср. *змеиный, пчелиный, львиный, отцовский* и т.п.).

Подобная же невнятица представлена во многих источниках по русской грамматике в связи с глагольным элементом *-ся*, называемым в последние десятилетия постфиксом. В действительности же, пользуясь данным А.А. Зализняком определением словоформы одного и того же слова, противопоставляющим ее уже другому слову, легко увидеть, что в русском языке есть окончание *-ся*, представленное в формах страдательного залога, а следовательно, позволяющее изменить только сочетаемость соответствующего глагола, связанную с обозначением субъекта и объекта действия (*Фонари освещают улицу – Улица освещается фонарями*), при этом оставляя в неприкосновенности семантическую характеристику глагола. Кроме этого, в русском языке есть и омонимичный этому окончанию суффикс *-ся*, имеющий в качестве инварианта значения «замкнутость действия в самом его субъекте» и, как это «положено» суффиксу, реализующий одновременно разнообразные, хотя и ограниченные, другие модификационные значения (*мыться – «направленность на субъекта», целоваться – «взаимность», кусаться – «обычное свойство»* и т.п.) (Панов 2004).

Дело в том, что лежащее на поверхности противопоставление суффиксов окончаниям по параметру «положение в словоформе» не совпадает по параметру «содержательная ценность». Параметру, гораздо более существенному для функций, которые любой язык выполняет. Точно таким же образом приставки противопоставлены суффиксам не только по параметру «положение до/после корня», но и содержательно. Суффиксы обозначают либо только принадлежность к части речи (с поправками на омонимию), либо

одновременно с этим еще и некоторые модификационные характеристики, обладая, таким образом, одной (частеречной) или двумя (частеречной и модификационной) семами. Приставки же не обладают частеречной семой, но имеют лишь модификационные семы (одну или более).

Интуиция лексикографов обычно шла таким же путем: страдательные формы не выделялись в качестве особой словарной статьи, как это и положено формам слова, а глаголы с суффиксом *-ся*, как и следует словам, рассматривались в качестве самостоятельных словарных единиц. Справедливости ради замечу, что не во всех контекстах обсуждаемая омонимия преодолевается (ср. *Слухи быстро распространяются – Слухи распространяются газетами – Автор подробно распространяется на эту тему*). Короче говоря, весьма комфортно расположившееся в наших представлениях о русском языке понятие «постфикс» представляет собою лишь умножение сущностей, внятно отражаемых и без него с помощью представлений об окончании (флексии) и суффиксе.

Добавлю лишь, что *-ся* со значением «склонность к действию / состоянию» (*работается, спится* и т.п.) также является суффиксом, содержащим отмеченное модификационное значение и указание на принадлежность к глаголу. При этом соответствующее модификационное значение отнюдь не является регулярным, а следовательно, (по Зализняку) не воплощается во флексиях. Что же касается так наз. плеонастического *-ся* (*бороться, смеяться* и т.п.), то это также суффикс с единственной семой, указывающей на принадлежность к глаголу.

Оставляю вероятному читателю вопрос, почему же многочисленные явные несообразности в представлениях о суффиксах и флексиях в русском языке, несмотря на их доказательное определение и разграничение, в частности, в работах А.А. Зализняка, продолжают тиражироваться в течение десятилетий в поколениях школьников и студентов и в справочных источниках.

4. «Тратить свою жизнь на то, чтобы их убеждать, я не буду»

Размышляя об истории нашей области знания, многие, на мой взгляд, недооценивают важность для нее появившихся в 1950 году «гениальных трудов товарища Сталина по вопросам языкознания». Забвение этого события не позволяет понять причины столь активной и плодотворной работы советских лингвистов в 50 – 70 гг. прошлого века. Пусть и на короткое время, именно лингвистика заняла привилегированное положение, по крайней мере, в советских гуманитарных науках и в общественном сознании, в котором она превратилась из практического владения языками (прежде всего так наз. иностранными, т.е. не теми, которые являются родными, какие у разных людей часто могут быть разными) в важнейшую гуманитарную дисциплину. Это обстоятельство привлекло к занятиям лингвистикой большое число одаренных юношей и девушек.

И родившийся в 1935 году Андрей Зализняк, школьная золотая медаль которого открывала ему дорогу в любой советский вуз, был среди них.

С годами инерция движения, заданная лингвистике мощным толчком вождя и учителя, стала ослабевать, но не исчезла совсем, поддержанная разрушением «железного занавеса», организованными усилиями по превращению русского языка в язык межнационального и международного общения, а также развитием самой науки, сменившей свою парадигму со сравнительно-исторической, и в основном формальной, на синхронную современную, и в основном семантико-коммуникативную. К концу века широкий интерес к лингвистике, как и к наукам вообще, по многим причинам стал в целом спадать, а сами соответствующие научные сообщества – хиреть количественно и особенно качественно. После обсуждения Грамматики-70, вместившего участников только в огромном зале Института философии АН СССР, я не припомню столь масштабного профессионального обсуждения научных лингвистических вопросов. Можно даже утверждать, что с тех пор отечественная теоретическая лингвистика, несмотря на свою вовлеченность в общие процессы цифровизации, пришла к некоторому единству под знаменем, на котором, по словам А.А. Зализняка, написано «Долой строгость, долой точность, долой ясность!» (Бурас 2019: 154).

Наиболее популярными в нашей науке стали обращения к культуре, отражаемой в языке. Магистральные пути развития науки о русском языке сместились с изучения собственно языковых механизмов, их связи с мыслительной деятельностью человека, с возможностей возложения различных речевых действий на соответствующие автоматические устройства в направлении к традиционному (в худшем смысле) литературоведению, философии, этнологии, а особенно педагогике... Оказалось, что получить ученые степени и звания по этим традиционным направлениям значительно легче, чем по так наз. «точным» областям знания, к которым всегда тяготела лингвистика. Плачевное материальное положение людей, занимающихся наукой, падение престижа ученых, приостановило естественный приток молодежи, создав разрыв научных поколений. Свою негативную роль сыграли разъедающие наше общество коррупция, беспринципность, желание угодить начальству, а особенно nepотизм и другие проявления «группового эгоизма». Ведь ученые – это лишь часть общества, и они болеют теми же болезнями, что и общество в целом.

Огромные, до отказа заполненные аудитории, которые уже в XXI веке собирал А.А. Зализняк, рассказывая о прочтении текстов только что найденных берестяных грамот, представляли собой событие исключительное. Однако, как кажется, разнообразные открытия, сделанные А.А. Зализняком, не очень сильно влияли на содержание работы многих его коллег. Лишь некоторые из них спешили скорректировать свои собственные исследования, статьи и монографии, общие и специальные вузовские курсы в связи с последними открытиями... Я могу лишь догадываться, как может реагировать на такое положение дел человек, открывший абсолютно ясную для него истину, внятно изложивший ее для других и столкнувшийся с воинственным желанием многих коллег и дальше существовать в том мире, который они

представили себе еще до того момента, когда эти открытия были сделаны и обнародованы...

Заключение

Как бы ни оценивать будущее нашей науки, оно может состояться, если работающие (и учащиеся) на этом поле усвоят не декларативные, но реальные принципы работы А.А. Зализняка: 1) необходимость всегда иметь ясную цель; 2) следовать точности и логике на протяжении всего пути к этой цели; 3) обращать внимание на любые частные моменты, которые открываются на этом пути к цели и после ее достижения; 4) не ожидать полного и немедленного признания ясных автору выводов со стороны научного сообщества. Впрочем, реализация всех этих постулатов достигается уже не только благодаря таланту и трудолюбию членов научного сообщества, сколько нравственными нормами, существующими в самом этом сообществе, и человеческими качествами каждого из его членов.

P.S. Никак не могу отделаться от крамольной мысли, что стань Андрей Анатольевич онкологом, он изобрел бы лекарство от рака.

© Igor Miloslavsky, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 2003. [Arutyunova, Nina D. 2003. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy*. Moscow].
- Бурас М. Истина существует. М., 2019. [Buras, Mariya. 2019. *Istina sushchestvuet*. Moscow].
- Доброхотов В.Л., Борзенков В.Г. Цель / Гуманитарная энциклопедия: концепты [Электронный ресурс]. Центр гуманитарных технологий 2002–2020. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7360> (дата обращения: 18.02.2020). [Dobrokhotov, V.L. & Vladimir G. Borzenkov 2020. Tsel' / Gumanitarnaya ehntsiklopediya: kontsepty. Tsentr gumanitarnykh tekhnologii 2002–2020. Retrieved from: <https://gtmarket.ru/concepts/7360>. Accessed on 18 February, 2020].
- Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947. [Vinogradov, Viktor V. 1947. *Russkii yazyk*. Moscow].
- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология на материале французского и русского языков. М., 1977. [Gak, Vladimir G. 1977. *Sopostavitel'naya leksikologiya na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov*. Moscow].
- Грайс Г.П. Логика и речевое поведение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. [Grais, Herbert Paul. Logika i rechevoe povedenie. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* 16].

- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967. [Zaliznyak, Andrei A. 1967. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow].
- Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. [Zaliznyak, Andrei A. 1973. *O ponimanii termina «padezh» v lingvisticheskikh opisaniyakh*. Problemy grammaticheskogo modelirovaniya. Moscow].
- Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008. [Zaliznyak, Andrei A. 2008. *“Slovo o polku Igoreve”*: vzglyad lingvista. Moscow].
- Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010. [Zaliznyak, Andrei A. 2010. *Iz zametok o lyubitel'skoi lingvistike*. Moscow].
- Зализняк А.А. Лингвистические задачи. М., 2018. [Zaliznyak, Andrei A. 2018. *Lingvisticheskie zadachi*. Moscow].
- Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. [Zemskaya, Elena A. 1992. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'*. Moscow].
- Исаченко А.В. Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 11. [Isachenko, Aleksandr V. 1998. Esli by v kontse XV veka Novgorod oderzhal pobedu nad Moskvoi. *Vestnik RAN* 68 (11)].
- Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. М., 2009. [Kubryakova, Elena S. 2009. *Teoriya nominatsii i slovoobrazovanie*. Moscow].
- Кузьмич И.П., Лариохина Н.М. Падежи! Ах, падежи! М., 2007. [Kuz'mich, Irina P. & N.M. Lariokhina. 2007. *Padezhi! Akh, padezhi!* Moscow].
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Лакуны и безэквивалентная лексика как факторы языка и культуры. Вестник РУДН. 2013. № 4. С. 93–100. [Larina, Tatiana & Vladimir I. Ozyumenko. 2013. *Lakuny i bezekvivalentnaya leksika kak faktory yazyka i kul'tury*. *Vestnik RUDN* 4. 93–100].
- Милославский И.Г. «Цель» как характеристика лингвистического исследования. Вестник МГУ. Серия 19. 2017. № 1. С. 9–23. [Miloslavsky, Igor' G. 2017. «Tsel'» kak kharakteristika lingvisticheskogo issledovaniya. *Vestnik MGU. Seriya 19* 1. 9–23].
- Милославский И.Г. Видовая принадлежность русского глагола в обеспечении рецептивной и продуктивной речевой деятельности. Изв. РАН СЛЯ. Т. 74. 2015. № 1. С. 11–18. [Miloslavsky, Igor' G. 2015. *Vidovaya prinadlezhnost' russkogo glagola v obespechenii retseptivnoi i produktivnoi rechevoi deyatel'nosti*. *Izv. RAN SLYA* 74 (1). 9–23].
- Панов М.В. О слове как о единице языка // Труды по общему и русскому языкознанию. М.: ЯСК, 2004. [Panov, Mikhail V. 2004. *O slove kak o edinitse yazyka*. *Trudy po obshchemu i russkomu yazykoznaniyu*. Moscow: YASK].
- Русская грамматика. Структурная организация языка и процессы языкового функционирования. М., 2019. [2019. *Russkaya grammatika. Strukturnaya organizatsiya yazyka i protsessy yazykovogo funktsionirovaniya*. Moscow].
- Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009. [Rybina, Elena A. 2009. *Novgorod i Ganza*. Moscow].
- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. [Sannikov, Vladimir Z. 1999. *Russkii yazyk v zerkale yazykovoï igry*. Moscow].
- Cloninger, Robert, Dragan Svrakic & Thomas Przybeck. 1993. A psychological model of temperament and character. *Arch Gen Psychiatry* 50 (12). 975–990.
- Dokulil, M. 1962. *Tvoření slov v češtině* [Teorie odvozování slov]. Praha.
- Jakobson, Roman. 1971. *Selected writings*. 2.

Словари / Dictionaries

- Большой толковый словарь русского языка. М., 1998, 2008, 2010. [*Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. 1998, 2008, 2010. Moscow].
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977 и др. издания. [*Zaliznyak, Andrei. 1977 i dr. Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie*. Moscow].
- Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М., 2017. [*Ehpshtein, Mikhail N. 2017. Proektivnyi slovar' gumanitarnykh nauk*. Moscow].

Article history:

Received: 02 March 2020

Revised: 06 June 2020

Accepted: 10 June 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02 марта 2020

Дата принятия к печати: 10 июня 2020

Bionote:

Igor G. MILOSLAVSKY is Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Distinguished professor of Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Comparative Analysis of Languages. Research interests: studies of active grammar of the Russian language; creation of special sections of ideographic grammar of the Russian language; identification of combinatory abilities of units on different levels conveying definite nominative content.

Contact information:

Lomonosov Moscow State University

31 Bldg.a Lomonosov Str., 119192, Russia

e-mail: igormil@hotmail.com

Сведения об авторе:

Игорь Григорьевич МИЛОСЛАВСКИЙ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик Международной академии. Сфера научных интересов: изучение вопросов активной грамматики русского языка, создание специальных разделов идеографической грамматики русского языка, выявление комбинаторных возможностей единиц различного уровня, выражающих определенное номинативное содержание.

Контактная информация:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, стр. 13-14, Москва, 119991, Россия

e-mail: igormil@hotmail.com